

УДК 321:130.3

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1950

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Политическое сознание в контексте коллективного и индивидуального бессознательного

Г.Н. Дарбинян✉

Московский городской педагогический университет, Россия, г. Москва

✉ dn_gevorg@mail.ru

Аннотация. Исследование политического сознания как структуры включает рациональные, эмоциональные и бессознательные аспекты. Особое внимание уделено роли коллективного и индивидуального бессознательного в формировании политических установок, идеологий и поведения. Анализ базировался на трудах К.Г. Юнга, П. Бурдые, а также исследованиях российских и зарубежных авторов. Рассматривались концепции архетипов, габитуса, мифотворчества и их влияние на политическое поведение. Установлено, что политическое бессознательное, укоренённое в архетипах и мифах, играет ключевую роль в формировании коллективного политического поведения. Авторитарные режимы используют механизмы бессознательного через пропаганду и создание мифов, усиливая идентичность и лояльность. Показано, что социально-экономическое положение влияет на содержание политического сознания: у представителей низших классов оно ориентировано на стабильность и безопасность, тогда как у средних и высших классов – на свободу и самореализацию. Политическое сознание является системой, формируемой взаимодействием рациональных, эмоциональных и бессознательных аспектов. Результаты исследования подтверждают значимость бессознательных факторов в развитии политического сознания и их связь с социально-экономическими условиями.

Ключевые слова: политическое сознание, коллективное бессознательное, индивидуальное бессознательное, архетипы, габитус, мифотворчество, политическая философия

Для цитирования: Дарбинян Г.Н. Политическое сознание в контексте коллективного и индивидуального бессознательного // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 224–234. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1950

UDC 321:130.3

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1950

Political consciousness in the context of collective and individual unconsciousness

G.N. Darbinyan✉

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

✉ dn_gevorg@mail.ru

Abstract. The study of political consciousness as a complex structure includes rational, emotional and unconscious aspects. Special attention is paid to the role of collective and individual unconscious in the formation of political attitudes, ideologies and behaviour. Philosophical and interdisciplinary approaches were used in the

work. The analysis was based on the works of C.G. Jung, P. Bourdieu, as well as studies by Russian and foreign authors. The paper considers the concepts of archetypes, habitus, myth-making and their influence on political behaviour. It was established that the political unconscious, rooted in archetypes and myths, plays a key role in the formation of collective political behaviour. Authoritarian regimes use the mechanisms of the unconscious through propaganda and myth-making, reinforcing identity and loyalty. It is shown that socio-economic status affects the content of political consciousness: in the lower classes it is oriented towards stability and security, while in the middle and upper classes it is oriented towards freedom and self-realisation. Political consciousness is a multilayered system formed by the interaction of rational, emotional and unconscious aspects. Its study requires an interdisciplinary approach that allows a deeper understanding of the mechanisms of political behaviour and choice. The results of the study confirm the significance of unconscious factors in the dynamics of political consciousness and their relation to socio-economic conditions.

Keywords: political consciousness, collective unconscious, individual unconscious, archetypes, habitus, myth-making, political philosophy

For citation: Darbinyan G.N. Political consciousness in the context of collective and individual unconsciousness. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 224–234. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1950

Введение

Политическое сознание представляет собой одну из центральных категорий современной политической философии. Оно интегрирует рациональные, эмоциональные и бессознательные аспекты, влияя на формирование политических установок, идеологий и поведения. Политическое сознание не только отражает политическую реальность, но и активно участвует в её конструировании, создавая рамки для восприятия власти, идентичности и социальных изменений. В современной науке наблюдается растущий интерес к изучению роли бессознательного в политическом сознании. Концепция коллективного бессознательного К.Г. Юнга, в которой подчеркивается универсальность архетипов и их влияние на человеческое поведение, находит свое развитие в социально-философских работах П. Бурдьё. Его идея габитуса, отражающего укоренённые социальные структуры и предрасположенности, позволяет соединить индивидуальное и коллективное измерения политического сознания.

Несмотря на обширную литературу, вопросы о механизмах взаимодействия индивидуального и коллективного бессознательного в политическом контексте остаются недостаточно изученными. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью философского изучения глубинных основ формирования политических установок и поведения.

Научная проблема заключается в недостаточной изученности влияния коллективного и индивидуального бессознательного на формирование и трансформацию политического сознания. Объект – политическое сознание как система, включающая рациональные, эмоциональные и бессознательные компоненты. Предмет – механизмы взаимодействия коллективного и индивидуального бессознательного в формировании политического сознания, их влияние на политические установки, идеологии и массовое поведение. Статья предлагает углубленный анализ бессознательных механизмов, таких как архетипы, мифотворчество и эмоциональные факторы, которые формируют политические установки и коллективное поведение. Тем самым статья расширяет дискуссию о структуре, эволюции и механизмах функционирования политического сознания, выявляя его скрытые детерминанты. Цель работы – исследование политического сознания в контексте взаимодействия индивидуального и коллективного бессознательного. Для достижения этой цели проведён анализ философских подходов, включающих идеи К.Г. Юнга и П. Бурдьё, и рассмотрено влияние архетипов, габитуса и мифотворчества на политическое сознание.

Методы и материалы

В основе исследования лежал философский анализ, направленный на изучение природы политического сознания в контексте индивидуального и коллективного бессознательного. Теоретическую базу составили труды К.Г. Юнга («Сознание и бессознательное», «Человек и его символы»), а также работы П. Бурдье, посвященные концепции габитуса как структуры, связывающей личное восприятие с социальным контекстом. Особое внимание уделялось исследованию роли архетипов и мифотворчества, влияющих на восприятие власти, идентичности и социальных изменений. Эти аспекты анализировались с опорой на работы О.В. Мясоутова, Н.Л. Подвойской, а также К.Ю. Преображенской, которые рассматривают политическое сознание через призму социальных и философских категорий. Материалы исследования также включали социально-психологические подходы, изложенные в работах Д. Майерса и Э. Фромма, что позволило учесть влияние эмоциональных и бессознательных аспектов на формирование политических установок. Анализ проводился с использованием сравнительного и системного подходов, что обеспечило выявление взаимосвязей между бессознательными структурами и их проявлением в политическом поведении.

Результаты и обсуждение

Сперва определим понятие политического сознания, так как на сегодняшний день обоснованность его использования остается дискуссионной. Оно рассматривается как совокупность психических процессов, отражающих политику, и как субъективный компонент, проявляющийся на различных уровнях и в разных ситуациях [1, с. 91]. А.А. Деркач описывает его как «высшую форму психического развития субъекта политики, его способность системно воспринимать, понимать и оценивать политическую реальность, связанную с вопросами власти и подчинения» [2]. В.И. Жуков определяет политическое сознание как «комплекс идей, теоретических концепций, взглядов, представлений, мнений, оценочных суждений и эмоциональных состояний субъектов политических отношений» [3, 660]. Политическое сознание – неотъемлемый субъективный компонент политической деятельности и поведения. Его основные сферы охватывают политическую науку, идеологию и политическую психологию [1]. Б.А. Исаева понимает под политическим сознанием «не только научные теоретические знания, возникшие в ходе осознания повседневной жизни и т. д.» [4, с. 244]. Оно «включено в сложную ткань его психической деятельности в соответствии с ее законами» [5, с. 181], представляет собой восприятие субъектом той части реальности, которая связана с политикой, «с вопросами власти и подчинения, государства с его институтами» [1, с. 91, 92]. А.В. Селезнева выделяет два слоя политического сознания:

- «внешний – относительно изменчивый под воздействием текущих социально-политических трансформаций слой;
- центральное ядро, которое составляют политические ценности, определяющие в конечном счете отношение респондентов к власти и политике» [6, с. 91, 92].

А.И. Юрьев, анализируя структуру политического сознания, отмечает, что его компоненты выполняют интегративную функцию [7]. Так, память аккумулирует и систематизирует значительные объемы политической информации, обеспечивая ее сохранение и воспроизведение. Внимание связывает субъекта политики с определенным объектом окружающей среды, а также с политическим контекстом в целом. Чувства и воля выступают ключевыми регуляторами политического поведения, направляя действия в соответствии с конкретными политическими условиями [8]. При этом память, восприятие и мышление преимущественно выполняют отражательную функцию, тогда как внимание, чувства и воля играют регулирующую роль в политической деятельности [1].

В исследовании политическое сознание рассматривается как неотъемлемая форма общественного сознания, формирующаяся вместе с появлением государственности и институтов политической власти. Оно охватывает как чувственные и теоретические аспекты, так и ценностные и нормативные представления, которые опосредуют взаимоотношения граждан с политическими институтами. В условиях постиндустриального общества политическое сознание приобретает прогностическую функцию, позволяя не только отражать текущую политическую реальность, но и предвидеть вектор развития политических процессов. Оно оказывает решающее влияние на содержание политического процесса, формируя цели, ценности и механизмы власти. Данное понимание представляется обоснованным, поскольку оно соотносится с концепциями и идеями, изложенными в трудах ведущих исследователей в области политического сознания, социальной философии и психологии.

Категория «политическое сознание» позволяет комплексно рассмотреть когнитивные, эмоциональные и бессознательные аспекты восприятия политики, выходя за рамки отдельных понятий, таких как «установки» или «идеология». Несмотря на то, что в зарубежной науке термин используется реже, его применение оправдано в русскоязычной среде, где он рассматривается как система, включающая субъективные и коллективные формы освоения политической реальности.

Политическое сознание формирует индивидуальное и коллективное политическое поведение, побуждая к вовлечению и действиям в политической сфере [9]. Мотивационный потенциал объясняет, почему эмоционально заряженные или идеологически экстремальные политические идеи часто вызывают более сильный резонанс, чем рациональные, основанные на фактах предложения. Эмоциональная и символическая сила определенных политических идеологий позволяет им мобилизовать поддержку, даже если их теоретические предпосылки могут быть слабыми или противоречивыми. И наоборот, рациональные и достижимые концепции часто не могут вдохновить на действия, что подчеркивает психологическую и эмоциональную трансформацию, лежащую в основе политического участия [10].

Изучение политического сознания выявляет устойчивые парадоксы политического бытия. Общества часто отвергают рациональные и достижимые политические решения в пользу нереалистичных или иррациональных альтернатив. Исторические уроки постоянно игнорируются, что приводит к повторению прошлых ошибок. Более того, мистические и суеверные верования часто всплывают на поверхность даже в обществах, которые якобы являются рациональными и научно развитыми.

Модель сознания Карла Густава Юнга определяет три взаимосвязанных уровня: личное сознание, сформированное сознательно обработанным опытом; личное бессознательное, которое включает в себя подавленный или забытый опыт; коллективное бессознательное, универсальный слой общих человеческих архетипов и опыта [11]. Концепция габитуса Пьера Бурдьё подчеркивает роль социальных структур и исторической обусловленности в трансформации индивидуального восприятия и предрасположенности [12]. Габитус отражает укоренившиеся системы мышления и действия, которые люди носят в себе, сформированные их социальным окружением и личной историей. Он соединяет личное и коллективное, иллюстрируя, как индивидуальная деятельность действует в более широких социальных и институциональных рамках. Как заметил Юнг, современное сознание – это продукт многовековой ментальной эволюции, в котором научный скептицизм сочетается с предрассудками и стереотипами прошлого. Аналогичным образом анализ Бурдьё истории как институционализированной структуры и воплощенной предрасположенности подчеркивает непреходящее влияние прошлого опыта на современные политические реалии.

Политическое сознание соединяет рациональное и эмоциональное измерения человеческого опыта, опираясь как на личное взаимодействие с политическими реалиями, так и на коллективную историческую память обществ. Как подмножество человеческого сознания,

его анализ требует глубокого понимания более широкой структуры сознания, которая показывает, как его компоненты взаимодействуют, формируя мышление, поведение и восприятие в политической сфере.

Личное политическое сознание представляет собой активное и рефлексивное измерение политического мышления, когда люди осознанно относятся к политическим явлениям, основываясь на своем личном опыте и наблюдениях. Однако политическое личное бессознательное включает в себя впечатления, воспоминания и опыт, связанные с политическими событиями, которые были либо подавлены, либо не полностью сформированы в сознание. Несмотря на свое латентное состояние, эти элементы влияют на восприятие, отношение и поведение [13].

Политическое коллективное бессознательное выходит за рамки индивидуального опыта, выступая в качестве хранилища унаследованных политических архетипов и символических моделей, накопленных поколениями. Архетипы отражают общее историческое взаимодействие человечества с системами власти и управления, формируя основу коллективного политического поведения. Они часто сохраняются в мифологических повествованиях, которые обеспечивают культурные рамки для интерпретации этих глубоко укоренившихся структур, и отражают развивающиеся отношения человечества с властью, авторитетом и сообществом. Изначально абстрактные, архетипы контекстуализируются в мифах, позволяя обществам закрепить эти структуры коллективного бессознательного в конкретные культурные и исторические моменты [14].

Архетипы, сформировавшиеся на ранних этапах развития общества, – например, те, которые происходят из племенного, магического или религиозного сознания, – отличаются большей стабильностью, чем те, которые появились в более поздние, более индивидуалистические периоды. В результате ранние архетипы часто сохраняют сильное влияние на современное политическое поведение. Например, племенные архетипы могут всплывать в политике идентичности, где групповая лояльность и разделение определяют политический дискурс. Религиозные архетипы часто лежат в основе идеологии власти и морали, обеспечивая устойчивые повествования о роли лидеров и институтов. Национальные архетипы проявляются в мифах о героизме, единстве и борьбе, укрепляя коллективную идентичность во времена кризиса или перемен.

Процесс мифотворчества играет центральную роль в соединении политического бессознательного с реалиями политической жизни. Мифы контекстуализируют абстрактные структуры бессознательного, переводя архетипы в действенные и понятные формы в конкретных культурно-исторических рамках. Таким образом, мифы формируют коллективное политическое восприятие и обеспечивают устойчивые нарративы, которые структурируют политические идеологии и действия. Посредством мифотворчества общества появляются общие представления о власти и управлении, которые сохраняются на протяжении многих поколений. Они закрепляют эмоциональные и символические ассоциации с властью, создавая коллективную линзу, через которую интерпретируется политическая жизнь и осуществляется навигация. Мифы о героизме, единстве или моральной борьбе, например, служат не только для вдохновения, но и для легитимации политических движений, режимов и решений. Глубоко укоренившиеся символы и нарративы, заложенные в коллективной памяти, часто преобладают над рациональными соображениями, формируя политические действия таким образом, что они в большей степени связаны с общим эмоциональным и символическим опытом, чем с логическими рассуждениями.

В своем эссе «Вотан» Юнг рассматривает архетипические силы, которые могут доминировать в психике нации, иллюстрируя это явление на примере истории Германии. Он выделяет Вотана, мифологическую фигуру, символизирующую германский дух, как архетип, возникший из коллективного бессознательного и захвативший коллективную психику нации.

Юнг описывает Вотана как «фундаментальный атрибут немецкой души, иррациональный психологический фактор», демонстрируя, как подобные архетипы могут побуждать к иррациональному и экстремальному поведению в масштабах всего общества [15].

Юнг выражает преобразующую силу архетипов, наблюдая, как они могут преодолевать рациональность и подталкивать общество к действиям, которые не поддаются логическому прогнозированию. Размышляя о росте деструктивных идеологий в Европе XX в., он пишет: «Люди, ставшие жертвой влияния архетипа, способны на любое безумие. Если бы тридцать лет назад кто-то осмелился предсказать, что наше психологическое развитие направлено на возрождение средневековых гонений на евреев, что Европа снова будет трепетать перед римскими фасциями и шагами легионов, что люди снова будут отдавать честь по римскому обычаю, как два тысячелетия назад, и что архаичная свастика вместо христианского креста будет нести вперед миллионы готовых к смерти воинов – такого человека освистали бы как неудавшегося мистика» [17, с. 102].

Политическое бессознательное представляет собой хранилище общего исторического и культурного опыта, закодированного в архетипах. Архетипы, развивавшиеся веками, служат психологической основой политических процессов и влияют на коллективные реакции на политические реалии. Связывая людей через общие культурные и исторические нарративы, политическое бессознательное способствует сплочению группы и формированию чувства идентичности. Архетипы служат психологическим субстратом для коллективных эмоций, установок и действий. Они остаются латентными до тех пор, пока не пробуждаются под воздействием внешних стимулов или внутренних психологических потребностей. После активации архетипы проявляются в виде мифов, символов и идеологий, которые находят глубокий отклик в коллективной психике, определяя политическое поведение и формируя общественное восприятие власти и авторитета.

В политической жизни архетипы часто возникают в виде национальных или групповых мифов, которые стимулируют коллективные действия. Мифы часто изображают идеализированные представления о лидерстве, гармонии в обществе или справедливости, служа символическими точками сплочения. Например, архетип «мудрого лидера» может внушать преданность и надежду, а архетип «героической борьбы» способен объединить общество перед лицом трудностей. Такие мифы оказывают мощное влияние даже в отсутствие рационального или эмпирического обоснования, апеллируя к глубоко укоренившимся эмоциональным и символическим ассоциациям.

Современные политические стратегии, включая пропаганду и информационную войну, часто используют архетипические триггеры для воздействия на политическое бессознательное. Апеллируя к первобытным инстинктам, связанным с идентичностью, принадлежностью и выживанием, эти методы обходят рациональное мышление, манипулируя коллективными эмоциями и укрепляя архетипические нарративы [17].

Архетипы, как элементы бессознательного, сосуществуют в человеческой психике, ожидая активации в определенных условиях окружающей среды или психологических условиях. Политические кризисы, культурные потрясения или экзистенциальные угрозы могут пробудить дремлющие архетипы, вновь привнеся древние модели мышления и поведения в современную политическую жизнь. Политическое бессознательное отражает личное бессознательное в его способности к конфликтам и разрешению, особенно в вопросах самооценки и самоуважения [18]. Например, нации могут выборочно интерпретировать свою историю в соответствии с коллективной самооценкой, подавляя неудобные истины или возвышая конкретные повествования как источники гордости. И наоборот, некоторые общества интегрируют болезненный исторический опыт в свою коллективную идентичность, превращая его в символ стойкости и силы.

Одной из наиболее значимых трансформаций политического сознания в условиях авторитарных режимов является феномен коллективного преклонения перед лидером, который сочетается с элементами страха и принуждения. Эрих Фромм в своих трудах подробно анализировал механизмы психологического подчинения в контексте тоталитарных и авторитарных систем. Он выделил парадокс власти, при котором люди, находящиеся в подчиненном положении, испытывают одновременное чувство страха, ненависти и восхищения по отношению к лидеру. Однако механизмы бессознательного не ограничиваются только авторитарными режимами. В демократических системах также наблюдается влияние мифотворчества, политической символики и коллективных архетипов, которые могут направлять массовое сознание. Например, использование харизматического лидерства, национальной риторики и мифологизированных исторических образов способствует формированию политической идентичности и легитимации власти в демократических странах. Дональд Трамп – пример политического лидера в демократической стране, который использовал механизмы бессознательного влияния для мобилизации электората. Его политическая риторика активно опиралась на мифологизированные образы, архетипы и эмоциональные триггеры, что является характерным приемом не только для авторитарных, но и для демократических режимов, что более подробно разобрано в статье К.А. Степной «Образ шута в современной политике» [19].

Фромм, анализируя именно авторитарный режим, выявил ключевой парадокс в психологии подчинения: люди, находящиеся под властью деспота, колеблются между чувством ненависти и глубокого почитания, что не так характерно для других режимов правления. Он пишет: «...когда подчинение причиняет подчиненному только страдания, естественно возникает чувство ненависти и негодования по отношению к угнетателю. Однако если подчиненный выражает это негодование, то зачастую это приводит к еще большим страданиям, поскольку победа над угнетателем практически недостижима [20, с. 104]. Поэтому психологически целесообразным становится подавление подобных чувств или даже замена их слепым преклонением. Такое восхищение служит двойной цели: с одной стороны, оно смягчает опасную, взрывную силу ненависти, а с другой – облегчает унижение от порабощения. Если угнетатель воспринимается как великий, благожелательный и могущественный, то подчинение становится менее постыдным. Подчиненный может рассуждать: «Я ему не ровня, он лучше, мудрее и сильнее меня». Благодаря этому процессу восхищение и подчинение служат механизмами психологической защиты, превращая боль от подчинения в рационализированное чувство порядка и принадлежности [21].

Подчинение и идолопоклонство, как защитные механизмы, находят отклик в размышлениях Гюстава Тарда о притягательности подчинения. Тард отмечает психологическое «очарование», присущее подчинению авторитету, которое способствует возникновению чувства доверия и даже преклонения перед лидером. Он отмечает, что подобные чувства сохраняются даже после падения деспотичных режимов, часто переходя к новым авторитетным фигурам, которые становятся объектами почитания. Этот процесс позволяет людям преодолевать когнитивный диссонанс, связанный с их подчинением, путем идеализации источника угнетения. Воспринимая лидера как воплощение величия и морального авторитета, люди находят способ сохранить самоуважение, переосмысливая свое бессилие как преданность справедливому делу. Следовательно, подчинение становится инструментом психологического выживания, обеспечивая угнетенным подобие достоинства перед лицом дегуманизирующих условий [22].

В книге «Анатомия человеческой деструктивности» Фромм продолжает исследовать групповой нарциссизм с его механизмами поклонения в авторитарных режимах [23]. Групповой нарциссизм действует на коллективном уровне, проецируя идентичность группы как превосходящую все остальные, что проявляется в таких утверждениях, как «Наша нация – самая великая» или «Наш лидер – спаситель человечества». Такие чувства не только укреп-

ляют внутреннюю солидарность, но и компенсируют индивидуальное ощущение незначительности. Групповой нарциссизм выполняет важнейшие психологические и социальные функции. Он способствует формированию чувства принадлежности и единства, которое особенно сильно проявляется во время кризиса. Для людей, которым не хватает личных достижений или самоуважения, членство в группе дает компенсацию чувства ценности самого себя. Отождествляя себя с «великим» лидером или делом, даже самые маргинальные люди могут разделить коллективное чувство превосходства, что часто приводит к таким рассуждениям, как: «Хотя сам по себе я ничтожен, величие моей группы делает меня важным». Однако темной стороной группового нарциссизма является его склонность к фанатизму. Когда лидер или групповая идентичность воспринимаются как оскорбление или угроза в восприятии других людей, члены группы часто отвечают крайней агрессией. Акты насилия или милитаризма рационализируются как необходимая защита чести, морали или универсальных ценностей группы, что еще больше укрепляет лояльность и углубляет эмоциональные связи между членами группы и их лидером.

Глубоко укорененное в архетипах, мифах и механизмах психологической защиты, бессознательное является мощной силой, формирующей коллективное поведение. Пропагандистские кампании часто вызывают архетипические образы героизма, справедливости и единства, создавая эмоциональные повествования, которые резонируют с коллективным бессознательным. Лидеры мифологизируются как воплощение идеализированных групповых черт – символов силы, надежды и морального авторитета. Политическая риторика укрепляет коллективную идентичность, ссылаясь на общие ценности, историю и символы, которые способствуют возникновению чувства превосходства и солидарности.

Политическое сознание охватывает разнообразный спектр представлений, норм, ценностей, концепций и идеологий, с которыми индивиды взаимодействуют на рациональном уровне. Однако ориентация на конкретные политические ценности и идеологии поднимает фундаментальный вопрос – «Что формирует содержание политического сознания?». Согласно иерархии потребностей Маслоу психологические и материальные обстоятельства индивидов сильно влияют на их политические приоритеты: неудовлетворенные базовые потребности заставляют людей сосредоточиться на выживании, в то время как удовлетворенные потребности позволяют им стремиться к более высоким целям.

Взаимосвязь между иерархией потребностей Маслоу и социально-экономическим расслоением выявляет различные модели политического сознания в разных социальных классах. Для индивидов из низших социально-экономических слоев доминирующими являются физиологическое выживание, безопасность и принадлежность. Эти приоритеты соответствуют потребностям низшего уровня Маслоу и формируют политическое сознание, ориентированное на стабильность и немедленное избавление от экзистенциальных проблем. Политические идеологии, привлекательные для этой группы, часто подчеркивают сильное лидерство, централизованную власть и политику, направленную на решение таких насущных проблем, как бедность, занятость и физическая безопасность [24]. Их отношение к политическим ценностям часто носит прагматический характер, отдавая предпочтение осязаемым решениям, а не абстрактным принципам.

Представители среднего и высшего классов, чьи базовые потребности в целом удовлетворены, напротив, сосредоточены на стремлениях более высокого порядка, таких как самоуважение, самоактуализация и самореализация. Эти уровни соответствуют стремлению к карьерному успеху, образованию и личностному развитию, а также способствуют формированию политического сознания, основанного на индивидуальной автономии и свободе. Следовательно, их политические ценности часто сосредоточены на демократических идеалах и правах человека. Идеологии, которые находят отклик у этих групп, подчеркивают равенство, возможности и защиту личных свобод.

Социально-экономические условия играют решающую роль в формировании политических ценностей. Для представителей низших социально-экономических слоев непосредственная необходимость выживания часто не оставляет места для идеологических поисков. Их политическое сознание отражает практическую ориентацию, отдавая предпочтение стабильности и порядку как механизмам облегчения трудностей. Авторитарные режимы или политика, предлагающая прямое вмешательство для решения проблем бедности и неравенства, могут найти благодатную почву среди этих групп населения, поскольку они обещают ощутимые и немедленные результаты. Напротив, люди, занимающие более благополучное социально-экономическое положение, свободные от давления повседневного выживания, способны рассматривать абстрактные принципы и долгосрочные устремления. Их политическое сознание склоняется к системам, защищающим индивидуальные свободы и создающим возможности для личного и общественного роста. В этих группах с большей вероятностью найдут отклик идеологии, поощряющие демократическое управление, свободу слова и права человека.

Выводы

В ходе исследования была подтверждена гипотеза о том, что политическое сознание представляет собой сложную многослойную систему, включающую рациональные, эмоциональные и бессознательные компоненты. Оно не только отражает политическую реальность, но и участвует в её формировании, создавая рамки для восприятия власти, идентичности и социальных изменений. Анализ работ К.Г. Юнга и П. Бурдьё позволил выявить, что коллективное бессознательное играет ключевую роль в устойчивости политических представлений, а индивидуальное бессознательное опосредует их восприятие через личный опыт и эмоциональные реакции. Архетипы, габитус и мифотворчество оказывают значительное влияние на формирование политических установок и коллективного поведения, связывая индивидуальные и социальные уровни политического сознания.

Эмоциональная и символическая составляющие политического сознания чаще оказываются более влиятельными, чем рациональные аргументы, что подчеркивает важность анализа бессознательных механизмов и их роли в мобилизации общества. Понимание взаимодействия индивидуального и коллективного бессознательного, архетипов и социальных структур позволяет глубже осмыслить природу политических установок, а также выявить причины устойчивых парадоксов политической жизни, таких как принятие иррациональных решений или повторение исторических ошибок. Политическое сознание формируется на пересечении индивидуального и коллективного бессознательного, где личные убеждения индивида находятся под влиянием социальных мифов, культурных символов и политической пропаганды. Проведённый анализ подтвердил, что механизмы взаимодействия индивидуального и коллективного бессознательного остаются недостаточно изученными в философской и политологической традиции. Социально-экономические факторы оказывают влияние на структуру политического сознания, определяя, какие элементы бессознательного актуализируются в политических предпочтениях различных социальных групп. Выявленные детерминанты формирования политического сознания позволяют глубже понять процессы политической социализации, устойчивости идеологий и формирования массовых политических настроений.

Результаты работы расширяют дискуссию о структуре, динамике и механизмах функционирования политического сознания. Дальнейшие исследования могут быть направлены на эмпирическое изучение влияния бессознательных факторов на политическое поведение, а также на разработку междисциплинарных подходов, объединяющих философию, политологию и психологию.

Список литературы

1. Ракитянский Н.М. Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2011. – № 6. – С. 89–103.
2. Деркач А.А., Лаптев Л.Г. Политическая психология: учебник для бакалавров. – Москва: Юрайт, 2017. – 591 с.
3. Общая и прикладная политология / под общ. редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – М.: МГСУ: Союз, 1997. – 992 с.
4. Теория политики: учебное пособие / под ред. Б.А. Исаева. – СПб.: Питер, 2008. – 464 с.
5. Шестопад Е.Б. Политическая психология. – М.: Инфра-М, 2002. – 448 с.
6. Селезнева А.В. Поколения в российской политике: политические представления и ценности: дис. ...канд. полит. наук. – М., 2008. – 154 с.
7. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. – 232 с.
8. Нигматзянова А.А. Понятие политического сознания в современном обществе // Манускрипт. – 2016. – № 1 (63). – С. 115–118.
9. Шарков Ф.И. Политическое сознание, политическая практика, политическая коммуникация // PolitBook. – 2014. – № 1. – С. 153–165.
10. Преображенская К.Ю. Политическое сознание в контексте социальной философии // Наука и образование: проблемы и перспективы: Материалы II Международной научно-практической конференции. – Таганрог: Перо, 2015. – С. 108–113.
11. Юнг К. Сознание и бессознательное. – М.: АСТ, 1997. – 288 с.
12. Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 216 с.
13. Подвойская Н.Л., Подвойский Л.Я. Политическое сознание через призму триады // Гуманитарные исследования. – 2006. – № 3. – С. 89–90.
14. Мясоутов О.В. Политическое сознание как социально-философская категория: философско-методологические основы исследования // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. – 2013. – № 13. – С. 148–155. EDN: RRSYVO.
15. Карадже Т.В. Политическая философия. – Москва: Мысль, 2007. – 510 с.
16. Garrido V. Class epistemic position and collective unconscious: the Lukacsian unconscious in History and Class Consciousness // Critique. – 2024. – Vol. 52. – № 4. – P. 417–433.
17. Юнг К. Человек и его символы. – М.: АСТ, 1997. – 320 с.
18. Юнг К. Сознание и бессознательное. – М.: АСТ, 1997. – 288 с.
19. Степная К.А. Образ шута в современной политике // Новизна. Эксперимент. Традиции. – 2024. – Т. 10. – № 4 (28). – С. 68–77.
20. Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – 200 с.
21. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Республика, 1992. – 349 с.
22. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. – М.: Институт психологии, 1998. – С. 64–98.
23. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Арт, 1998. – 592 с.
24. Maslow A.H. Motivation and personality. – New York: Harper&Row, 1970. – 369 p.

Информация об авторе

Геворг Нагапетович Дарбинян, аспирант департамента философии и социальных наук института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Россия, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, корп. 1; dn_gevorg@mail.ru

Поступила в редакцию: 03.01.2025

Поступила после рецензирования: 25.02.2025

Принята к публикации: 29.03.2025

REFERENCES

1. Rakityansky N.M. Concepts of consciousness and mentality in the context of political psychology. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences*, 2011, no. 6, pp. 89–103. (In Russ.)
2. Derkach A.A., Laptev L.G. *Political psychology*. Moscow, Yurait Publ., 2017. 591 p. (In Russ.)
3. *General and applied political science*. Eds. V.I. Zhukov, B.I. Krasnov. Moscow, MGSU, Soyuz Publ., 1997. 992 p. (In Russ.)
4. *Theory of politics*. Eds. B.A. Isaev. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 464 p. (In Russ.)
5. Shestopal E.B. *Political psychology*. Moscow, Infra-M Publ., 2002. 448 p. (In Russ.)
6. Selezneva A.V. *Generations in Russian politics: political ideas and values*. Cand. Diss. Moscow, 2008. 154 p. (In Russ.)

7. Yurev A.I. *Introduction to political psychology*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ. House, 1992. 232 p. (In Russ.)
8. Nigmatzyanova A.A. Conflictogenity in the contemporary Russian society. *Manuscript*, 2016, no. 1 (63), pp. 115–118. (In Russ.)
9. Sharkov F.I. Political consciousness – political practices – political communication. *PolitBook*, 2014, no. 1, pp. 153–165. (In Russ.)
10. Preobrazhenskaya K.Yu. Political consciousness in the context of social philosophy. *Science and education: problems and prospects. Proc. of the II International scientific and practical conference*. Taganrog, Pero Publ., 2015. pp. 108–113. (In Russ.)
11. Jung K. *Consciousness and the unconscious*. Moscow, AST Publ., 1997. 288 p. (In Russ.)
12. Bourdieu P. *Sociology of politics*. Moscow, Socio-Logos Publ., 1993. 216 p. (In Russ.)
13. Podvoyskaya N.L., Podvoysky L.Ya. Political consciousness through the prism of the triad. *Humanitarian studies*, 2006, no. 3, pp. 89–90. (In Russ.)
14. Myasoutov O.V. Political consciousness as a socio-philosophical category: philosophical and methodological foundations of research. *Readings in memory of Evgeny Petrovich Sychevsky*, 2013, no. 13, pp. 148–155. (In Russ.) EDN: RRSYVO.
15. Karadzhe T.V. *Political philosophy*. Moscow, Mysl Publ., 2007. 510 p. (In Russ.)
16. Garrido V. Class epistemic position and collective unconscious: the Lukacsian unconscious in History and Class Consciousness. *Critique*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 417–433.
17. Jung K. *Man and his symbols*. Moscow, AST Publ., 1997. 320 p. (In Russ.)
18. Jung K. *Consciousness and the unconscious*. Moscow, AST Publ., 1997. 288 p. (In Russ.)
19. Stepnaya K.A. The image of the jester in contemporary politics. *Novelty. Experiment. Traditions*, 2024, vol. 10, no. 4 (28), pp. 68–77. (In Russ.)
20. Fromm E. *The soul of man*. Moscow, Republic Publ., 1992. 200 p. (In Russ.)
21. Fromm E. *Escape from freedom*. Moscow, Republic Publ., 1992. 349 p. (In Russ.)
22. Tarde G. Opinion and the crowd. *Psychology of Crowds*. Moscow, Institute of Psychology Publ., 1998. pp. 64–98. (In Russ.)
23. Fromm E. *The anatomy of human destructiveness*. Moscow, Art Publ., 1998. 592 p. (In Russ.)
24. Maslow A.H. *Motivation and personality*. New York, Harper&Row, 1970. 369 p.

Information about the author

Gevorg N. Darbinyan, Postgraduate Student, Moscow City Pedagogical University, 4, bld. 1, 2-y Selskokhozyaystvenny proyezd, Moscow, 129226, Russian Federation; dn_gevorg@mail.ru

Received: 03.01.2025

Revised: 25.02.2025

Accepted: 29.03.2025